

У — это мир, возникший на заре хаоса и существующий обособленно от шести миров. С древних времен он скрыт за завесой тайн и опасностей, и У — не исключение.

Вокруг У простирается лес, окутанный ядовитым туманом, внутри которого бушуют ураганные ветры. Кроме представителей клана Фениксов, никто — будь то бессмертный, демон или смертный — не может войти туда, не будучи разорванным в клочья. Лишь раз в шестьдесят лет, когда прилив достигает своего пика и стихают ураганы, открывается путь внутрь.

В такие времена бесчисленные небожители устремляются к У, где клан Фениксов выступает хозяевами, широко открывая двери для гостей из всех шести миров.

Глубокая ночь, третья стража. Морские волны с шумом бьются о берег. Многие небожители замерли в ожидании у кромки воды, и лишь одинокая летающая ладья, зависшая в воздухе, выделялась на общем фоне.

На ладье возвышался изящный дворец, в котором угадывались очертания искусственных гор и ручьев. Лунный свет заставлял камни сиять в темноте, и даже у входа в У, где завывал неистовый ветер, судно оставалось непоколебимым.

— Что это за небожитель? Отчего столь вызывающе себя ведет? — спросил один из давно уединившихся от мира небожителей, переглянувшись с приятелем.

— Тише, не говори так. Это летающая ладья Нэйцзюня Цзыдяня.

Небожитель на мгновение замер, а затем вздрогнул от ужаса:

— Что с этим безумцем в этом году? Он все еще одержим своими безумными попытками воскрешения?

— Разумеется, ведь этот сумасшедший все еще жаждет вернуть к жизни того самого человека...

— Но как он посмел прийти в У? Разве Хуан И из клана Фениксов не грозился убить его при первой же встрече?

Убить при первой же встрече...

Уголки губ Се Чэньлу слегка приподнялись, но в этой улыбке не было ни капли тепла.

Закончив с делами у кушетки, он отпил чаю. Цзыдянь чувствовал себя неважно и все еще спал, а Туаньцзы, решив немного схитрить, тихонько свернулся калачиком в объятиях Цзыдяня, чтобы доспать.

Два дракона прижались друг к другу. Возможно, это была лишь иллюзия, но Се Чэньлу впервые ощутил редкое спокойствие, словно все, о чем он мечтал всю жизнь, было теперь у него в руках.

В этот миг небеса содрогнулись от оглушительного грохота. Словно древний дикий зверь, затаившийся в глубинах, океан взревел, и волны высотой в тысячу чжанов с безумной силой обрушились на берег. Даже самые неприступные скалы не выдержали напора, треснув и открыв проход. Под мощью самой природы врата в У наконец распахнулись.

От раскатов грома и вспышек молний Чу Цзюань и Туаньцзы мгновенно проснулись. Туаньцзы от испуга зарылся в объятия Чу Цзюаня, закрыл уши и тихо позвал отца, хотя сам украдкой выглядывал наружу.

Се Чэньлу, лежа на боку, протянул руку, чтобы подхватить Туаньцзы, опасаясь, что тот стеснит Чу Цзюаня, и мягко произнес:

— Цзыдянь, если ты еще хочешь спать, отдыхай. Врата У открываются раз в шестьдесят лет на целый месяц, каждый день по два часа, так что подождать немного — не беда.

Чу Цзюань, не открывая глаз, лишь хмыкнул. Он не стал церемониться и действительно снова закрыл глаза, чтобы досмотреть сон. Се Чэньлу потратил часть своей духовной силы, чтобы отгородить их от шума бушующего моря и не дать ему нарушить покой любимого.

Когда Чу Цзюань проснулся, прошло уже больше часа, и большинство небожителей, ожидавших снаружи, почти разошлись. Он набросил на плечи халат и встал на носу лады, глядя в темнеющий небосвод.

— О чем задумался, Цзыдянь? — Се Чэньлу, держа за руку Туаньцзы, подошел ближе. Фигура Чу Цзюаня казалась такой одинокой и печальной, что, если бы не Туаньцзы, Се Чэньлу непременно заключил бы его в объятия.

— Ни о чем, — Чу Цзюань покачал головой, стряхивая с лица выражение задумчивости. — Пойдем.

Они проспали слишком долго, через два четверти часа вход закроется.

Се Чэньлу ожидал, что Чу Цзюань возьмет его за руку, но тот совершенно естественно взял за руку Туаньцзы. Малыш шел, держа отца за левую руку, а второго родителя — за правую. Се Чэньлу помедлил мгновение, затем наклонился и подхватил Туаньцзы на руки:

— Здесь сильный ветер, лучше я его понесу.

Затем он замер в ожидании, что Цзыдянь возьмет его за руку.

Чу Цзюань проигнорировал его намек. Увидев, как Се Чэньлу упрямо смотрит на его руку, он заложил ее за спину и пояснил:

— Он уже большой, не нужно его постоянно держать за руку.

Се Чэньлу не собирался отступить:

— Раньше было иначе. Цзыдянь всегда держал меня за руку.

Чу Цзюань: ...

Иногда он искренне поражался способности Се Чэньлу лгать, глядя прямо в глаза. В отличие от него самого, у него не было такой толстой кожи.

Се Чэньлу, чья бесстыдность не знала границ, в конечном итоге добился своего и вошел в У, держа Чу Цзюаня за руку.

У разительно отличался от шести миров. Здесь горы и острова парили в воздухе, а бесчисленные лунные камни украшали подвесные строения и высокие башни. Водопады низвергались прямо из пустоты, не имея ни истока, ни конца, и мириады светящихся огоньков превращали ночную тьму в подобие ясного дня.

Рынки здесь также располагались в воздухе. Туаньцзы был крайне заинтригован, но, видя, что под ногами лишь пустота, побоялся идти самостоятельно и лишь крепче вцепился в шею Се Чэньлу, боясь, что отец его уронит.

— Отец, что это? — Туаньцзы повернул голову и указал на самую высокую башню в У. Деревянное здание от самого верха до низа было усыпано свисающими цветами, и ароматный ветер делал его похожим на огромный цветочный терем.

— Это... — Се Чэньлу, чье лицо до этого светилось улыбкой, внезапно помрачнел. Туаньцзы решил, что спросил о чем-то не то, и испуганно втянул голову в плечи.

Отец сердится. Ему страшно.

Лицо Се Чэньлу становилось все мрачнее. Как он мог забыть, какой сегодня день?

День Сяцзе, праздник сбора цветов у клана Птиц. Раз в шестьдесят лет птицы возводят Башню Признаний. Если мужчина и женщина встречаются того, кто им приглянулся, они бросают друг другу цветы. Если вторая сторона принимает цветок, это означает взаимную симпатию и желание провести ночь вместе.

Много лет назад Се Чэньлу из-за необходимости достать одно редкое лекарство уже был здесь

вместе с Чу Цзюанем. И тогда...

Се Чэньлу не успел додумать, как в воздухе раздался радостный щебет, и цветок, подобный снегу на утренней заре, полетел сверху, по чистой случайности угодив прямо в руки Чу Цзюаня.

Чу Цзюань, не понимая, в чем дело, принял цветок, и в его черных, как обсидиан, глазах на мгновение отразилось замешательство.

Птица в небе — лазурная птица цинлуань — тут же спустилась на землю и обернулась прелестной девушкой в желтом платье. Уперев руки в бока, она с сияющей улыбкой воскликнула:

— Ты принял мой цветок, значит, проведешь со мной эту ночь!

Се Чэньлу: ...

Он не хотел ревновать, он просто хотел сжечь эту проклятую Башню Признаний дотла, чтобы не осталось ни единого цветка.

Се Чэньлу был человеком дела, поэтому той же ночью в У вспыхнул пожар, который выжиг Башню Признаний до основания, оставив лишь пепелище.

Огненное зарево сделало и без того светлое небо еще ярче, а порывы ветра разгоняли искры, создавая иллюзорное ощущение нереальности происходящего. Лишь пронзительные крики птиц звучали особенно громко.

Бифан поклонился Се Чэньлу и тут же растворился в темноте. Се Чэньлу стоял у окна, заложив руки за спину, его губы были плотно сжаты, а пальцы невольно выстукивали ритм.

Чу Цзюань был драконом по своей природе, и Се Чэньлу не понимал, почему он всегда пользовался такой популярностью у клана Птиц. Так было сотни лет назад, когда они впервые посетили У, и, видимо, так осталось и по сей день.

Окно закрылось, скрыв снаружи весь шум и суматоху. Се Чэньлу наложил заклинание, чтобы отгородиться от звуков, и, прежде чем войти, бросил:

— Принеси мне маску.

Хотя Бифан не понимал, какое безумие нашло на Нэйцзюня, он послушно склонил голову.

Войдя внутрь, он увидел Чу Цзюаня, который отдыхал у стола, подперев подбородок рукой и обнажив четкий профиль.

Он действительно был наделен выдающейся внешностью. В его облике, присущем клану Драконов, сочетались благородство и гордость. Сейчас, когда следы болезни еще не сошли с его лица, сердце Се Чэньлу невольно сжалось от жалости.

— Провести ночь вместе... — он склонился к уху Чу Цзюаня и произнес эти слова по слогам. Его голос был ледяным, пропитанным холодом, скрывающим насмешку.

С тех пор как Цзыдянь очнулся, они еще ни разу не проводили ночи вместе, так почему же он так легко согласился на это с кем-то другим?

Нет, он принадлежит ему. Никто не смеет его отобрать — он потратил триста лет, чтобы вырвать его из лап самого Янь-вана.

— Мой... — Се Чэньлу склонился и поцеловал Чу Цзюаня в лоб, а его духовная сила тончайшими нитями проникла в черные, как тушь, волосы возлюбленного.

Чу Цзюаню снился сон.

Во сне был тот самый день сбора цветов триста лет назад.

Двери были окружены птицами. Красивые цинлуани и лазурные синицы преграждали путь к вершине горы, повсюду толпился народ. Он хотел взять за руку того, кто шел рядом, но та рука отстранилась.

Та рука в воздухе лишь сжала пустоту и тихонько спряталась в рукав.

Вокруг было слишком много людей. На него сыпались цветы, ветки, лепестки. Самые редкие сорта — Нефритовая печать, Снег на заре, Желтый пион — все самые прекрасные цветы летели в него. Он хмурился, стряхивая их с одежды, и смотрел куда-то вдаль.

Се Чэньлу, стоявший в стороне в зеленом халате, с холодным выражением лица сидел за столом и листал медицинский трактат, ни разу не взглянув в его сторону.

В тот миг, когда он ощутил одиночество, на него внезапно свалился цветок — Черный дракон, спящий в пруду. Нахмутив свои выразительные брови, он поднял голову.

Яркое солнце лилось с небес, словно водопад света. На ветке дерева, против солнца, сидел юноша в красных одеждах. Одна его нога была приподнята, пальцами он вертел цветок Черного дракона, улыбаясь вызывающе и дерзко.

— Не смотри на него, в его сердце тебя нет, с чего бы ему ревновать?

Юноша улыбался, в центре его лба горело пламя, присущее клану Фениксов, и для него самого он навсегда остался таким же пламенем, сжигающим память.

Юноша, подобно порыву ветра, стремительно приблизился, с озорным видом подлетел к Чу Цзюаню и, держа в руках самый ценный цветок с Башни Признаний, насмешливо произнес:

— Мой Цзидянь, может, вы все-таки подумаете?

Тот цветок был так прекрасен, что захватывало дух. В тот миг, когда дыхание юноши почти коснулось лица Чу Цзюаня, тот немедленно поднял руку, чтобы отстраниться. Юноша скрыл в глазах разочарование и, улыбаясь, оперся о дерево Утун:

— Видишь, твой Нэйцзюнь все еще не ревнует.

В его сердце его не было, поэтому, сколько бы цветов он ни получал, сколько бы людей им ни восхищалось, даже когда кто-то подходил так близко, он оставался абсолютно равнодушен.

Он оставался безучастен.

<http://bllate.org/book/18619/1792530>